

ОТРЫВКИ
ИЗ "ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОГО ОТЧЕТА КОМИССИИ ЦК КПЧ
О ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССАХ И РЕАБИЛИТАЦИИ
НЕВИННО ОСУЖДЕННЫХ" *

Заключительный Отчет Комиссии ЦК КПЧ состоит из трех частей:

1. Политические процессы.
2. Пересмотр дел и реабилитация невинно осужденных.
3. Политическая ответственность за процессы.

Содержание Отчета определяется заданной темой, он не содержит всестороннего анализа послевоенной истории Чехословакии. Авторы Отчета сосредоточили внимание только на тех аспектах, которые имеют непосредственное отношение к политическим процессам и их пересмотру.

Отчет составила группа историков, юристов и экономистов. Члены рабочей группы изучили открытые архивы ЦК КПЧ и закрытые архивы А. Новотного и Р. Сланского. Следует отметить, что в материалах Министерства внутренних дел имеются пробелы, не говоря уже о том, что на основе материалов *только чехословацких архивов* вообще нельзя ответить на некоторые вопросы, связанные с международным контекстом этих процессов.

* * *

После второй мировой войны Чехословакия стала членом общества социалистических стран. Важнейшими инструментами в процессе упрочения этого сообщества были Информационное бюро девяти коммунистических партий и Совет Экономической

* Отчет был составлен в 1968 г. (см. И. Пеликан "К Отчету Комиссии ЦК КПЧ о политических процессах...").

Взаимопомощи. Укрепление связей между странами социалистического лагеря проявлялось и в перенесении в страны народной демократии советского способа организации и руководства. Такая практика противоречила, однако, ранее распространенной теории о специфических путях развития социализма. В ходе формирования социалистического лагеря в отношениях между социалистическими государствами имели место нарушения принципов пролетарского интернационализма, что осудил ЦК КПСС в резолюции от 30 августа 1956 г.

В те годы руководители стран социалистического лагеря полагают, что в ближайшее время в мире может разразиться военный конфликт. Социалистические государства ассигновывали огромные средства на производство современной военной техники. Советские руководители понимали, однако, что Соединенные Штаты Америки далеко впереди в экономическом отношении и поэтому в относительно короткое время может произойти радикальное изменение соотношений сил и в военной сфере. Уравновесить экономическое превосходство Америки могла всесторонняя мобилизация социалистических государств и усиление советского влияния в социалистическом лагере.

Обострение международных отношений воскресило теоретические положения и практические методы сталинизма, которые во время войны и в первые послевоенные годы отошли на задний план, хотя и не были отвергнуты.

Теория о постоянно обостряющейся классовой борьбе была дополнена рядом новых элементов. Распад антифашистской коалиции и начало "холодной войны" способствовали тому, что в социалистических странах стали подозревать каждого, кто в прошлом был как-то связан с политическими, административными или военными институтами западных государств. Подозревались и те, кто либо бывал на Западе, либо имел родственников за границей. Некоторые ответственные работники социалистических стран входили в эти категории подозреваемых, что подтверждало тезис об особой угрозе измены высокопоставленных лиц с партийным билетом.

В те годы культивировалось представление о взаимосвязанности и комплексности враждебной деятельности. Говорили о всеобщем заговоре империалистов против всех социалистиче-

ских стран и о том, что важнейшим элементом этого заговора является засылка шпионов и вербовка новых агентов. При этом, в согласии с теориями того времени, утверждалось, что наиболее концентрированное давление империалистов направлено на наиболее развитые народно-демократические государства, играющие наиболее важную роль. Именно в таких государствах агенты иностранных разведок стремились достичь как можно более высоких постов.

По этой теории было совершенно исключено, чтобы на ведущих постах, например, в Венгрии и Польше были вредители и шпионы, а в Чехословакии, стране промышленно более развитой и в прошлом более тесно связанной с Западом, их не было.

Холодная война способствовала нагнетанию атмосферы, которая, в конце концов, вылилась в политические процессы против членов коммунистических партий. Однако ни атмосферу того времени, ни процессы не следует объяснять только ухудшением международных отношений. Холодная война оказалась столь действенным внешним импульсом потому, что в странах Восточной Европы вследствие деформаций методов социалистического строительства и политической системы создалась благодатная почва для таких процессов. Теории, воскресшие во время холодной войны, углубили эти деформации, так что в начале пятидесятых годов оба фактора — как внешний, так и внутренний — действовали одновременно.

Практической реализации воскрешенной теории об обострении классовой борьбы способствовало прежде всего создание в 1947 г. Информационного бюро коммунистических и рабочих партий, в котором господствовали централистские и сектантские тенденции, недифференцированный подход к некоммунистическим политическим силам и обостренная подозрительность к коммунистам.

Кульминацией такого рода тенденций был разрыв с Югославией. Резолюции о Югославии, принятые в 1948 и в 1949 гг., шли вразрез с ранее признававшимися теориями об особых путях к социализму и оказали пагубное влияние на политическую жизнь стран Восточной Европы.

Ранние политические процессы в странах Восточной Европы имели целью окончательную ликвидацию политических против-

ников, представителей некоммунистических партий, которые приблизительно до 1947 г. участвовали в деятельности органов политической власти. На процессах эти некоммунистические политики рассматривались не просто как противники, а как враги, как орудие империалистического влияния и как инициаторы военных и шпионских заговоров.

Позже, в соответствии с теорией о "врагах с партийным билетом", врагов стали искать внутри коммунистических партий. Жребий пал на партийных функционеров, взгляды которых хоть как-то отличались от официальных. Теперь их обвиняли в "титоизме". В Румынии в июне 1948 г. с партийной должности был снят Л. Патраскяну; в ноябре-декабре 1948 г. начались критические выступления по его адресу, а в 1954 г. Патраскяну был арестован и приговорен к смертной казни. В июне 1948 г. был подвергнут критике генеральный секретарь ЦК Польской Рабочей партии Владислав Гомулка. На августовском пленуме ЦК он был снят с поста генерального секретаря, а более года спустя (в ноябре 1949 г.) — исключен из партии. В Албании в сентябре 1948 г. был снят с партийного поста Кочи Дзодзе. На 1-м съезде Албанской партии труда его критиковали за попытку присоединения Албании к Югославии. Суд над Кочи Дзодзе происходил с 12 мая по 6 июня. Его приговорили к смертной казни. С января 1949 г. начинается кампания в Коммунистической партии Болгарии против Трайчо Костова; на мартовском пленуме ЦК его сняли с руководящих партийных и правительственных постов; в июне 1949 г. исключили из Центрального комитета и из партии, а в июле арестовали. Вместе с Костовым был арестован ряд ведущих деятелей народного хозяйства Болгарии. В это же время были выдвинуты обвинения против Ласло Райка, который уже в августе 1948 г. был подвергнут критике и переведен с поста министра внутренних дел на пост министра иностранных дел. 30 мая 1949 г. Ласло Райк и ряд других коммунистических деятелей были арестованы. Суд над Райком, который впоследствии стал "показательным", состоялся в сентябре 1949 г. Трое обвиняемых на этом процессе получили смертные приговоры. Последним в 1949 г. был процесс Трайчо Костова — в декабре. Этот процесс был инсценирован по образцу процесса Райка, с той разницей, однако, что Трайчо Костов отверг

ряд выдвинутых против него обвинений, и поэтому на суде зачитывались только протоколы следствия. Костов, как и Райк, был приговорен к смерти и казнен. После 1956 г. они оба и их поделенники были полностью реабилитированы Центральными Комитетами своих партий, как и Владислав Гомулка, а позднее и Л. Патраскяну.

Круг подвергавшихся преследованиям стал быстро расширяться за счет тех, кто находился во время войны в эмиграции на Западе, кто сражался во время гражданской войны в Испании и т.д. и т.п. Постепенно репрессии сосредоточились на партийных функционерах еврейского происхождения и вылились в антиссионистскую кампанию. Наиболее ярко это проявлялось в Чехословакии.

Чехословакия играла важную роль в военно-стратегических планах Советского Союза. Это объяснялось как ее географическим положением, так и высоким уровнем чехословацкой экономики. Чехословакия должна была стать центром машиностроения и отчасти производителем оружия для всего социалистического лагеря. Поэтому за политическим, экономическим и военным положением в Чехословакии наблюдали весьма пристально.

Руководящие деятели КПЧ имели многолетний опыт работы в легальных условиях (до войны Чехословакия была единственной из стран Восточной Европы, где коммунистическая партия не только не была запрещена, но имела представителей в чехословацком парламенте. — *Ред.*). В довоенный период у КПЧ были контакты и с некоммунистическими партиями. В Испании сражались много чехословацких коммунистов, которые после второй мировой войны заняли руководящие посты, включая органы государственной безопасности. Во время второй мировой войны многие чехословацкие коммунисты проживали как эмигранты в западных государствах, главным образом, в Англии, где находилось и чехословацкое правительство в изгнании. Многие руководящие работники сохранили после войны связи с оставшимися за границей коллегами, и каждый из них теперь рассматривался как потенциальный шпион.

В первые послевоенные годы чехословацкая экономика ориентировалась в основном на западные страны и ее переориентация на социалистические государства советскому руководству каза-

лась медленной. Существовало также мнение, что ЧСР недостаточно интенсивно проводит геологическую разведку сырья и в недостаточной степени использует уже открытые залежи.

Недоверие некоторых тогдашних советских руководителей вызывал также командный состав чехословацкой армии, вплоть до самого высшего уровня. Это недоверие распространялось не только на военных, служивших во время войны на Западе, но и на бывших командиров созданного в СССР Чехословацкого корпуса. В письме Клементу Готвальду от 8 апреля 1950 г. руководители ВКП (б) отвергли просьбу тогдашнего министра обороны Людвика Свободы командировать в Чехословакию советника из СССР. В письме говорилось:

”Наши военные специалисты считают генерала Свободу человеком, не заслуживающим доверия, с которым нельзя делиться военными секретами СССР”.

(Обратный перевод с чешского. — *Ред.*)

Положение почти не изменилось и после кадровых перемен в чехословацкой армии, и после прибытия советников из СССР, и после введения советских методов в чехословацкой армии.

С 1949 г. советские руководители указывали как на недостаток пребывания евреев на руководящих постах в партийном, государственном и хозяйственном аппарате. Это усугублялось еще и тем, что Чехословакия, активно проводившая в первые послевоенные годы общую для социалистических стран линию по отношению к Израилю, не торопилась изменить эту позицию после 1949 г., когда изменилось отношение к Израилю других социалистических стран.

Обострение чехословацко-израильских отношений произошло намного позже, когда в других странах преследования евреев приняли массовый характер. В период же, когда в других странах антиссионистская кампания только сменила антиюгославскую, ЧСР все еще поддерживала довольно тесные связи с Израилем. Чехословацкая позиция по отношению к Израилю обусловила идеологическую направленность процесса так называемого Центра.

Таким образом, изменение одного из аспектов внешней политики и стратегии СССР отразилось на внутренней политике социа-

листоческих стран, способствовало усилению подозрений против граждан еврейского происхождения и их преследований. Постепенно еврейский вопрос стал одним из наиболее дебатруемых с точки зрения политических интересов и безопасности государства. Распространялись слухи о роли евреев в мировом империалистическом заговоре, о стремлениях евреев подорвать политическое устройство социалистических государств. В ходе подготовки политических процессов и на самих этих процессах проблема сионизма и еврейский вопрос приобретали все большее и большее значение, хотя разбирались там вымышленные дела и судили прежде всего коммунистов.

Значение еврейского вопроса при инсценировке политических процессов обнаружилось уже в 1949 г., с началом широкой кампании против так называемого космополитизма. Однако на передний план еврейский вопрос вышел несколько позже, в связи с подготовкой процесса против "антигосударственного заговорщического центра" в Чехословакии и с так называемым "делом врачей" в СССР.

Некоторые руководители социалистических государств в январе 1951 г. называли Чехословакию самым слабым звеном в системе стран народной демократии, одновременно подчеркивая ее исключительное значение как промышленно развитой и стратегически важной страны.

Именно потому, что Чехословакию одновременно считали и ключевым и самым слабым звеном социалистического содружества, ее социалистические партнеры в атмосфере надвигавшейся, как им казалось, войны стремились обеспечить надежность ЧСР, соответствовавшую ее ключевому положению. "Главу заговора" искали на все более высоком уровне, и "Центр" стал охватывать все более широкий круг людей.

Руководители КПЧ не были лишь пассивными исполнителями указаний извне. На международных совещаниях тех лет они докладывали об успешных разоблачениях своих противников, заверяя при этом, что успехи будут еще большими. Так, в ноябре 1949 г. на совещании Информбюро Рудольф Сланский заявил:

"Слабость нашей партии до сих пор состоит в том, что широкие массы ее членов недооценивают сопротивление классового врага, его неустанное стремление насаждать

внутри партии свою агентуру, подрывать и разлагать режим народной демократии".

Сотрудники партийного аппарата и госбезопасности в Венгрии и Польше требовали, чтобы чехословацкие органы в общих интересах немедленно приступили к арестам широкого круга подозрительных лиц, так как медлительность в этом деле представляет угрозу не только Чехословакии, но и их странам. Они подчеркивали, что времени для подробного расследования нет, что цели необходимо достигнуть как можно быстрее — путем арестов, допросов и очных ставок. Это было содержанием разговора Шваба с Ракоши и генералом Белкиным в Будапеште (7 и 8 сентября 1949 г.) и Веселого с работниками Министерства внутренних дел Радкиевичем, президентом Берутом, генеральным секретарем Замровским и Берманом в Варшаве (МВД, 391, т. IV, стр. 122).

Дальнейшие шаги чехословацкие органы госбезопасности предприняли под влиянием психоза относительно усиления непосредственной угрозы республике и социалистическому лагерю, а также, очевидно, из опасений, что их сотрудников могли бы обвинить в симпатиях к "титоистам" и в саботаже их окончательного разоблачения.

Во второй половине 1949 г., в особенности после приезда советских экспертов, деятельность по выявлению "чехословацкого Райка" значительно активизировалась. Резко увеличилось число арестов. По рекомендации видных деятелей братских партий в конце сентября были произведены аресты среди бывших участников гражданской войны в Испании, партизанской войны в Югославии и бывших эмигрантов—"лондонцев". Началось следствие. В сентябре 1949 г. с письмом к руководству ВКП(б) обратились Готвальд и Сланский. В этом письме они просили прислать советских экспертов по вопросам государственной безопасности, хотя до этого, получив информацию от И. Веселого и К. Шваба о суровых методах, применявшихся при допросах чехословацких граждан в Венгрии (в ходе подготовки процесса Райка), они не склонялись к приглашению экспертов из СССР.

Просьба была удовлетворена, и в октябре 1949 г. в Прагу приехали Макаров и Лихачев, принимавшие участие в подготов-

ке процесса Райка в Будапеште. Вскоре на смену им прибыла другая группа советников во главе с В. Боярским.

Советские эксперты с самого начала обладали широчайшими полномочиями; чехословацкие органы госбезопасности их не контролировали, они были подотчетны только советскому министерству внутренних дел, которое тогда возглавлял Берия. Советские эксперты регулярно информировали политические органы Советского Союза и органы государственной безопасности СССР о ходе следствия в ЧСР, о лицах, подозреваемых в политических уклонах или враждебной деятельности, в первую очередь о партийных и политических деятелях, о сотрудниках политического, военного, хозяйственного и дипломатического аппарата и органов безопасности.

Прибытие советников из СССР вызвало изменение стиля работы чехословацких органов государственной безопасности. В невиданных прежде масштабах началась подготовка политических процессов. Вместо разоблачения действительно преступной деятельности на основе достоверных доказательств начались нарочитые поиски врагов, в первую очередь, в рядах коммунистической партии. Доказательством вины были политические взгляды, проявившиеся не только в делах, но и в выступлениях, в докладах, в неосуществленных замыслах, а также признания вины и участия в вымышленных враждебных действиях. Из всего этого работники органов государственной безопасности, по-разному комбинируя показания заключенных, конструировали группы и акты антигосударственной деятельности. Признания вины и показания заключенного стали главным доказательством следствия и основанием для приговора. Следователи не брезговали ничем для получения фальшивых признаний и показаний. В ходе следствия применялись бесчеловечные методы физического и психического насилия, уже описанные в ряде работ и статей.

Для обвинения и ареста во многих случаях достаточно было самокритического выступления, признания ошибки, неясности в биографии, клеветы или доноса. В центре внимания оказались люди, которых можно было обвинить в троцкизме или национализме (национализм автоматически рассматривался как проявление антисоветизма), евреи (считавшиеся заведомо сиониста-

ми), люди, побывавшие на Западе или встречавшиеся с иностранцами.

Арестованный автоматически считался виновным; следователям оставалось только "создать дело" и довести его до суда и приговора. Целью следствия было сломить арестованного любой ценой, добиться от него признания независимо от того, провинился он в чем-то или нет. Арестованных били, морили голодом и жаждой, запирали в темных камерах, угрожали расправой с родственниками, сажали вместе с агентами-доносчиками, в их камерах устанавливали подслушивающие устройства и т.д. и т.п.

Хранящиеся в чехословацких архивах материалы подтверждают заявление Н.С. Хрущева о деятельности советского КГБ в странах народной демократии, сделанное в его докладе на пленуме ЦК КПСС в июле 1955 г.:

"Иметь агентуру в братских партиях, проводить разведку против этих партий, а главное — разведку против руководителей этих партий — это тягчайшее нарушение норм отношений между братскими партиями и государствами. Такая ситуация может, в конце концов, привести к конфликту".

(Обратный перевод с чешского. — Ред.)

Руководство КПСС подвергло критике деятельность советских экспертов, и некоторые из них как "агенты Берия" были отданы под суд, приговорены к смерти и казнены.

Советники Лихачев и Макаров постоянно критиковали чехословацкие органы госбезопасности за чрезмерную мягкость и нерешительность; за то, что они позволяют отстранить себя на задний план, недостаточно энергично отстаивают свои позиции и действуют против классовых врагов "в белых перчатках". Лихачев и Макаров настаивали на ускорении реорганизации чехословацких органов госбезопасности, начатой незадолго до их приезда. В рамках этой реорганизации были проведены концептуальные, организационные и персональные перемены. Одной из самых существенных сторон этой реорганизации стало небыва-

лое до той поры переплетение партийного аппарата с органами государственной безопасности.

Общая концепция определилась, можно сказать, в начале второй половины 1949 г., когда генеральный секретарь КПЧ Р. Сланский в противоречии с существовавшим порядком существенно усилил свое влияние на деятельность органов государственной безопасности.

Начиная со второй половины 1949 г., создалась парадоксальная ситуация: в органах государственной безопасности по инициативе руководящих деятелей центрального партийного аппарата был создан специальный отдел для выявления врагов внутри партии, а параллельно с этим отделом действовал партийный орган — Комиссия партийного контроля, которая использовала органы государственной безопасности для разоблачения врагов среди коммунистов — работников этих органов. В этом причина участия в подготовке и проведении политических процессов начала 50-х годов и органов госбезопасности, и партийных органов. И неоднократно происходили повороты, когда преследующие становились преследуемыми, обвинители — обвиняемыми, а следователи — подсудимыми.

Одним из самых действенных инструментов поиска врагов и инсценировки политических процессов была Комиссия по вопросам безопасности при ЦК КПЧ. В областях ее эквивалентом были так называемые пятерки (в районных масштабах — тройки). С 1949 по 1951 гг. такие пятерки и тройки действовали при областных и районных комитетах КПЧ. Членами их, как правило, были: ответственный за работу обкома КПЧ по вопросам государственной безопасности; начальник областного управления Комитета государственной безопасности; начальник областного управления Корпуса национальной безопасности; * при необходимости — областной прокурор и др. Деятельностью пятерки руководил первый секретарь обкома КПЧ. Пятерки по безопасности координировали работу всех органов безопасности в области и областных партийных органов, вмешивались в судопроизводство, заранее принимая решения по всем делам

* Корпус национальной безопасности включал органы полиции, сотрудничавшие с Комитетом государственной безопасности.

уголовного и особенно политического характера (подробно обсуждалась подготовка и проведение политических процессов в данной области, утверждалась линия обвинения, приговор, принимались решения по просьбам осужденных о помиловании и т.д.).

В конце января 1951 г. президиум ЦК КПЧ создал так называемый политический секретариат ЦК КПЧ (К. Готвальд, Р. Сланский, А. Запотоцкий и В. Широкий). Политический секретариат получил широчайшие полномочия, в том числе право принимать решения по вопросам государственной безопасности и политических процессов. Широкие кадровые перемены в результате арестов и реорганизации произошли в органах государственной безопасности и армии, в основном, на всех ступенях партийного руководства.

Массовые аресты коммунистов в конце 1950 — в начале 1951 гг. стали началом новой волны политических репрессий. В заключении оказались ведущие деятели партийного, военного и хозяйственного аппарата и органов государственной безопасности. Подобная судьба постигла и многих нижестоящих сотрудников. Специально отобранная группа заключенных в течение нескольких недель находилась в замке Колодеи неподалеку от Праги, который был наспех переделан в импровизированную тюрьму. Допросы там проводились при непосредственном участии советских экспертов, и по жестокости не знали себе равных. Эти методы принесли плоды. Следователи добились "признаний" и показаний против других лиц от большинства заключенных. Материалов для обвинения было собрано много, но даже самим следователям и советским экспертам было ясно, что ценность этих доказательств весьма сомнительна и что они никоим образом не подтверждают официальную версию, согласной которой главой подлежащего разоблачению заговора должны быть О. Шлинг и М. Швермова. Следователи нервничали. Некоторые из них были обеспокоены, что следствие недостаточно быстро идет к желаемой цели, и настаивали, что глава заговора не О. Шлинг, а другой, кто занимает еще более высокое положение (об этом были поставлены в известность Р. Сланский и К. Готвальд).

В показаниях заключенных все чаще стало упоминаться имя

Р. Сланского. Некоторые называли его, чтобы защитить себя, утверждая, что должности они получили по его рекомендации, а поступали определенным образом с его ведома и согласия, а иногда и по его распоряжению. Другие приводили имя Сланского, потому что сознательно или подсознательно считали его виновником своих несчастий...

Впервые имя Сланского появляется в показаниях заключенных в замке Колодеи в феврале 1951 г. Следствие, однако, придерживалось тогда шпинговской версии, и поэтому имени Сланского не придавалось значения, а упоминания о нем даже не вносились в протоколы (согласно директивам, в протоколах не должны были упоминаться имена руководящих лиц). Однако о показаниях против Сланского (устно или в письменных сводках) сообщалось министру национальной безопасности и советским экспертам.

Через некоторое время упоминаниям о Сланском в показаниях заключенных стали уделять больше внимания, считая, что это может содействовать выходу из тупика. Весной 1951 г. в распоряжении следователей было уже несколько показаний, в которых Сланский обвинялся в каких-то конкретных действиях.

Перемена направления следствия, его переориентировка на Р. Сланского была обусловлена и переориентировкой на сионизм как инструмент империалистического заговора против социалистического лагеря. После ареста начальника следственного отдела К. Шваба, занимавшегося разоблачениями врагов в рядах партии, на его место пришел А. Кепперт. В отчете 1963 г. * говорится о его "животном антисемитизме".

На совещании с Доубеком и Коштылом в конце июня 1951 г. советские эксперты подчеркнули опасность еврейского буржуазного национализма и сионизма и необходимость обратить на эту опасность внимание "соответствующих лиц". К. Доубек и К. Коштыл подготовили первый обзорный отчет, подытоживавший накопившиеся показания о так называемом еврейском буржуазном национализме и конкретно о Р. Сланском и Б. Геминдере.

* Отчет специальной комиссии ЦК КПЧ по расследованию политических процессов 1948-1954 гг. Комиссия была создана по решению политбюро, ее председателем был Д. Кольдер.

дере. Этот отчет был отредактирован советскими экспертами, после чего его получили Л. Копршива и К. Готвальд. На основании их замечаний было принято решение вести следствие именно в этом направлении. Однако запрещение допрашивать Р. Сланского оставалось в силе.

20 июля 1951 г. Сталин прислал Готвальду шифрованное сообщение, подтвердившее получение материалов, разоблачивших Р. Сланского и Б. Геминдера. Сталин считал эти материалы недостаточными для обоснования обвинения, так как они базировались на "доносах преступников". В сообщении Сталина указывалось также, что из-за недостаточно серьезного отношения к делу в Москву отзывается советник Боярский. В ответе, датированном тем же днем, Готвальд сообщал, что сомнения относительно показаний "разоблаченных преступников" были у него с самого начала, и просил оставить Боярского в ЧСР, поскольку его помощь исключительно ценна.

"Отсутствие Боярского, — писал Готвальд, — значительно усложнило бы работу на участке государственной безопасности".

23 июля 1951 г. состоялось заседание Политбюро ЦК ВКП(б), в котором принял участие А. Чепичка, представлявший в особенно важных случаях лично К. Готвальда. На этом заседании, по словам Чепички, наряду с другими вопросами подробно разбиралось дело Р. Сланского и Б. Геминдера. В письме Сталина Готвальду, датированном следующим днем, указывалось, что советское партийное руководство продолжает расценивать показания разоблаченных преступников как недостоверные. Однако, опираясь на сообщения советских экспертов в ЧСР, Сталин заявлял, что Сланский допустил серьезные ошибки в кадровой политике и потому не может оставаться генеральным секретарем КПЧ. Кроме того, Сталин подтвердил решение об отзыве Боярского из ЧСР в силу его профессиональной непригодности и предложил послать вместо него "более сильного и более опытного работника". В заключение Сталин писал, что при любых условиях советский эксперт должен работать под руководством и контролем руководства КПЧ и что советский эксперт ни в ко-

ем случае не должен подменять министра безопасности.

События следующих недель показали, что заявления Сталина были чисто декларативными.

В ответе Сталину от 26 июля 1951 г. Готвальд соглашался со сталинскими рекомендациями и писал, что он вместе с А. Запотоцким обдумывает смещение Р. Сланского с поста генсека КПЧ и перевод его на правительственную должность в рамках реорганизации правительства, запланированной на сентябрь 1951 г. Одновременно Готвальд просил Сталина прислать как можно скорее нового эксперта вместо Боярского. (Должность главного эксперта по вопросам государственной безопасности занял в начале ноября 1951 г. Бесчаснов.)

После обмена письмами со Сталиным Готвальд распорядился приостановить расследование деятельности Сланского. Следствие, однако, продолжалось. Ни советские эксперты, ни чехословацкие работники органов государственной безопасности с распоряжением Готвальда не посчитались.

31 июля 1951 г. Р. Сланский в день своего 50-летия получил самую высокую чехословацкую награду — орден Клементы Готвальда за заслуги в деле строительства социализма — и поздравительное письмо ЦК КПЧ. Из первого варианта этого письма К. Готвальд в последнюю минуту вычеркнул некоторые слишком восторженные эпитеты и упоминание, что Сланский был одним из его ближайших сотрудников. Поздравления из Москвы, однако, не пришли.

В дни, когда в газетах публиковались восхваления Сланского и юбиляр получал множество поздравительных писем и телеграмм, А. Лондон и К. Шваб давали показания, обвиняющие Сланского в шпионской и антигосударственной деятельности.

На заседании ЦК КПЧ в сентябре 1951 г. Р. Сланский был подвергнут острой критике за ошибки при расстановке кадров; за переоценку роли партийного аппарата по сравнению с государственными органами (тезис о втором центре власти). Из доклада Готвальда вытекает, что соответствующие материалы он получил от следователей и советских экспертов через министра Л. Копршиву.

Р. Сланский выступил на пленуме с самокритикой. Текст его выступления вместе с секретным письмом ЦК КПЧ был

послан всем первичным партийным организациям. По решению пленума, Р. Сланский был переведен на пост заместителя председателя правительства, а Запотоцкому (председателю правительства — *Ред.*) поручили тщательно следить за ним.

Приблизительно в то же время один из советских экспертов собрал все материалы против Сланского, Франка, Геминдера, Фрейка и др. и уехал с ними в Москву.

На критику ЦК КПЧ против Сланского и на его перевод на государственную работу откликнулись самые широкие слои населения. На собраниях и в резолюциях отмечалось, что К. Готвальд открыл простор для устранения перегибов в партийной работе. Готвальда восхваляли за то, что он не поколебался подвергнуть критике своего долголетнего и самого близкого соратника. Что же касается самокритичного выступления Сланского, то одни воспринимали его сочувственно, другие — с недоверием. Раздавались также голоса, утверждавшие, что решение пленума носит половинчатый характер, что Сланский сообщил партии далеко не все, и что именно он может оказаться тем скрытым врагом, который, согласно теории, должен занимать пост в партийной верхушке.

Результаты допросов многих арестованных, которые касались Р. Сланского, Б. Геминдера и др. (осень 1951 г.), разочаровали следователей. Новые сообщенные заключенными факты не выходили за рамки тех обвинений, которые были выдвинуты против Сланского на сентябрьском пленуме ЦК КПЧ и которые он признал в своем выступлении. Эти обвинения, однако, были сочтены ошибками. Сланский получил за них партийное взыскание и был смещен с поста генерального секретаря КПЧ. Но оснований для ареста и судебного разбирательства упомянутые ошибки не давали.

Выход из создавшегося положения был предложен советскими экспертами. По их совету, в сравнительно короткое время изменили линию допроса заключенных, которых до тех пор обвиняли во вредительской деятельности и даже в происках против Сланского. Следователь К. Коштыл предложил, например, О. Шлингу версию, согласно которой Шлинг и его сообщники занимались вредительской деятельностью с согласия Сланского. Шлинг и другие приняли эту версию с определенным облегчени-

ем, поскольку она вселяла в них надежду на смягчение наказания. Результатом явились протоколы, в которых Сланский фигурировал как центральная фигура заговора. Прежние показания объяснялись изощренной хитростью арестованных, пытавшихся отвести внимание от своего хорошо замаскированного руководителя, который должен был остаться неразоблаченным, чтобы реализовать цель заговора и спасти им жизнь.

Решающий импульс дал делу Сланского неожиданный приезд в Прагу члена политбюро ЦК ВКП (б) А. Микояна (11 ноября 1951 г.). А. Микоян передал К. Готвальду личное послание Сталина, существенно отличавшееся от того, что Сталин писал в июле. На этот раз Сталин настаивал на ускоренном аресте Сланского, объясняя это возможностью его бегства на Запад.

По словам А. Чепички, Готвальд колебался выполнить указания Сталина. Расследования, проходившие после июльского заседания и смещения Сланского с поста генерального секретаря, не принесли таких результатов, на основании которых Готвальд мог бы принять решение об аресте. Микоян, ознакомившись с позицией Готвальда, поехал в советское посольство и оттуда связался со Сталиным. На следующей встрече в присутствии Чепички Микоян сообщил Готвальду, что Сталин настаивает на аресте Сланского, и настоятельно советовал Готвальду помнить о его личной огромной ответственности. Не дожидаясь дополнительной информации, Готвальд решил, что Сталин, как всегда, исходит из проверенных фактов и дает верный совет.

После ареста Сланского была на полную мощность запущена машина по обеспечению одного из важнейших атрибутов политических процессов — одобрения манипулируемых народных масс и, в первую очередь, членов партии. Сразу же после ареста Сланского, еще до процесса и доказательства его вины, Готвальд получил сотни резолюций от коммунистов, членов профсоюзов (и даже от школьников!) с благодарностью за разоблачение враждебных элементов и с требованием самого сурового наказания, даже смертной казни, для главы заговора! Ни в одном из 2355 писем, резолюций и телеграмм, полученных ЦК КПЧ после 19 декабря 1951 г., не выразилось сомнений в вине Сланского и в наличии заговора.

По делу Рудольфа Сланского одновременно с ним были аре-

стованы Б. Геминдер, И. Таусигова и Рихард Сланский. В декабре 1951 г. был арестован Э. Гольдштюкер, а в первой половине 1952 г. Р. Марголиус, Л. Фрейка, И. Гольдман, И. Франк, А. Симон и др. Служебные и личные контакты со Сланским стали поводом для увольнения многих руководящих работников на самых различных участках. Среди отстраненных был министр государственной безопасности Л. Копршива, который как "человек Сланского" потерял доверие Сталина и Готвальда.

Для подготовки процесса над группой Р. Сланского, который должен был стать самым громким чехословацким политическим процессом и самой крупной инсценировкой, потребовался год. При разработке плана следствия наряду с чехословацкими следователями особо активно действовали три советских эксперта, прибывшие специально для того, чтобы "сделать" процесс Сланского (Г. Громов, Г. Морозов и Чернов), начальник группы советников в министерстве государственной безопасности А. Бесчаснов с заместителями Есиковым и Галкиным. Они лично следили за ходом следствия, давали советы, помогали составлять планы допросов.

Кроме ложных показаний арестованных, у органов государственной безопасности был только один компрометирующий Сланского документ (провокационное "письмо Большому подметальщику").* Этого документа было достаточно, чтобы аре-

* Письмо "Большому подметальщику" привез в ЧСР 9 ноября 1951 г. агент иностранной разведки, бывший одновременно сотрудником чехословацких органов государственной безопасности. В этом письме адресата предупреждали, что ему угрожает то же, что постигло В. Гомулку. В письме содержалось предложение оказать помощь при переходе через границу, предоставить безопасное убежище и материальное обеспечение, но не политическую карьеру. Несмотря на многочисленные расследования, которые провела комиссия в 1962-1963 гг., и наша комиссия, обстоятельства, связанные с письмом "Большому подметальщику", продолжают оставаться неясными. По всей вероятности, речь идет о провокации, однако, невозможно определить, было ли письмо подброшено одной из западных разведок, агентами Берия или чехословацкой секретной службой. До сих пор не выяснено, кто решил, что адресатом следует считать Р. Сланского. Известно, однако, что называли Сланского советские эксперты и группа работников чехословацких органов государственной безопасности. Политическое решение Готвальд принял 23 ноября 1951 г. на со-

ствовать Сланского. В ходе следствия требовалось, однако, получить дальнейшие "доказательства". Для этой цели в органах государственной безопасности была организована так называемая документационная группа, которая занималась сбором необходимых материалов из различных архивов. Больше всего документов предоставил архив ЦК КПЧ, откуда они поступали в органы госбезопасности через А. Новотного.

До 2 января 1952 г. Сланский признавал только политические ошибки и только те, о которых он говорил на заседании ЦК КПЧ в сентябре 1951 г. Сланский категорически отвергал обвинения в измене, в организации заговора и в стремлении захватить политическую власть. На него было оказано огромное давление. Осознав безвыходность своего положения, он в конце января 1952 г. попытался покончить с собой. После неудавшегося самоубийства настал перелом: Сланский признал существование "второго центра", а затем постепенно признал почти все, в чем его обвиняли. Готвальд был удовлетворен результатами следствия. Он требовал только, чтобы все шло точно по плану и обязательно при участии советских экспертов.

До августа 1952 г. Сланского допрашивали по конкретным вопросам, связанным с инкриминируемой ему преступной деятельностью, в частности, с троцкизмом и сионизмом. Уже тогда была разработана так называемая схема допросов, ставшая первым вариантом сценария судебного процесса. Одновременно работала документационная группа, члены которой собирали из различных официальных источников "доказательства" вины обвиняемых. Летом 1952 г. начали работать так называемые комиссии экспертов. Их задачей было придать обвинениям в саботаже заслуживающий доверия вид.

Только в самом конце следствия Сланского допрашивали в связи с письмом "Большому подметальщику", на основании которого он, собственно, был арестован. И следователям, и экспертам было ясно, что письмо никак не доказывает связи Слан-

вещании с Запотоцким, Копршивой и советским экспертом Бесчасновым. На этом же совещании было принято решение, что в ночь на 24 ноября Сланский будет арестован (хотя о письме "Большому подметальщику" Сланский понятия не имел, поскольку его не получил).

ского с заграницей, и потому на процессе этому письму отвели второстепенную роль.

Таким образом, летом 1952 г. окончательно выявляется концепция обвинения так называемой заговорщической группы. Из разных вариантов названий (шпионско-заговорщический центр, шпионский и заговорщический центр, заговорщический сионистский центр шпионажа и т.п.) было выбрано: "Антигосударственный заговорщический центр во главе с Р. Сланским".

Процесс начался 20 ноября 1952 г. Он проходил в полном соответствии с заранее разработанным сценарием и временным графиком. Только однажды прокурор пропустил вопрос, но обвиняемый, выучивший все ответы наизусть и в определенной последовательности, ответил не на заданный ему вопрос, а на тот, который должен был быть задан.

Еще до окончания процесса было принято решение об инсценировке апелляции суда. Заранее был назначен его день — 4 декабря, и заранее было решено, что апелляционный суд подтвердит приговор. Следует отметить, что члены политического секретариата ЦК КПЧ приняли решение об исходе апелляционного суда, не потрудившись даже собраться ради этого на совещание. Они согласились с переданным им предложением по телефону.

27 ноября, точно по графику, были зачитаны приговоры, в которых в различных вариантах говорилось о государственной военной измене, шпионаже и саботаже. К смерти были приговорены Сланский, Геминдер, Фрейка, Франк, Клементис, Рейцин, Штаб, Марголиус, Фишл, Шлинг и Симон. К пожизненному заключению — Лондон, Лебл и Гайду. Осужденные не апеллировали в высшие инстанции, а их просьбы о помиловании были отвергнуты.

Утром 3 декабря 1952 г. 11 из 14 осужденных были казнены.

Перед казнью все осужденные, кроме Р. Сланского, написали прощальные письма.

"В последние минуты своей жизни, — писал К. Готвальду Фрейка, — человек не лжет, и я прошу вас поверить моим словам. Эти строки попадут к вам в руки, когда меня уже не будет в живых, зачем же мне тогда писать неправду?.."

Далее в письме говорилось, что Фрейка признал себя агентом лишь для того, чтобы выполнить свой долг перед трудящимися и партией, как требовали от него следователи.

К. Шваб тоже писал, что показания он давал, потому что считал это

“... своим долгом и политической необходимостью”.

“Я заявляю перед казнью, что никогда не был шпионом”, — писал О. Шлинг.

“И самый плохой человек говорит перед смертью правду”, —

говорилось в письме К. Готвальду от А. Симона, который заверял, что никогда не был ни государственным преступником, ни шпионом, ни агентом западных или других разведок.

Семьям казненных их письма переданы не были, Готвальду вручил адресованные ему письма Бацилек 13 декабря 1952 г.

По решению политического секретариата ЦК КПЧ от 17 февраля 1953 г. ряд сотрудников чехословацких органов госбезопасности получили высокие награды, повышены в должностях и премированы.

Самый крупный инсценированный политический процесс в Чехословакии, казалось бы, закончился. Однако на завтра после вынесения приговоров, 28 ноября 1952 г., Б. Берут запросил согласия К. Готвальда на допрос Сланского и других представителем польских органов безопасности для выяснения их связей с Гомулкой и Фильдом (Фонд А. Новотного, коробка 26, т. IV, стр. 78-79). Готвальд дал согласие.

* * *

Политическая система социалистических государств была неспособна воспрепятствовать влиянию тех внешних и внутренних факторов, которые привели к политическим процессам. Напротив, эта система способствовала постепенному укреплению машины по фабрикации таких процессов.

Механизм этот возник в рамках политической системы и стал занимать в ней особое место, оказывая, в свою очередь,

влияние на саму систему. Связанных с машиной по производству политических процессов людей было не так много, но их позиция, значение и влияние на жизнь страны были огромны. Сама машина обладала способностью создавать условия, которые оправдывали необходимость ее существования, а стабильность кадров этого механизма явилась одной из главных причин медленной и непоследовательной реабилитации невинно осужденных. Ее структура и способ деятельности не позволил выявить правду ни в 50-е годы в ходе подготовки процессов, ни позже, когда пытались раскрыть правду о процессах. Это был особый аппарат, никому не подотчетственный, никем не контролируемый, не подчинявшийся законам, возвысившийся над обществом и присвоивший себе власть, на которую никто не имел права. Уже само существование такой машины противоречило конституции Чехословакии.

Механизм по производству политических процессов состоял из трех основных звеньев: политических органов, органов госбезопасности и органов юстиции.

Из политических органов в работе этого механизма участвовал узкий круг партийных функционеров, которые и принимали решения о процессах: К. Готвальд, А. Запотоцкий, иногда В. Широкий и министр национальной безопасности (вначале этот пост занимал Л. Копршива, с 1952 г. — К. Бацилек, а позже министр внутренних дел Р. Барак), затем члены политического секретариата. Особую роль играл К. Готвальд. Он выносил решения об арестах большинства ведущих партийных работников, получал информацию о результатах следствия и принимал непосредственное участие в подготовке крупных политических процессов.

Политические органы и их представители своими решениями или публичными заявлениями давали работникам органов безопасности соответствующие директивы и идеологически обосновывали их действия. Работники органов госбезопасности и юстиции, в свою очередь, считали выполнение решений и указаний партийных органов и их руководства партийным долгом, проявлением партийной дисциплины. Многие из них были искренне убеждены, что служат партии. В этом отношении характерно заявление К. Шваба:

"... Я усвоил, что то, что делаем мы, узкая группа, которая представляет партийное руководство, является правильным даже в том случае, если это тысячу раз противоречит законам и носит преступный характер".

К политическим органам, которые были связаны с подготовкой политических процессов, следует отнести прежде всего два отдела ЦК КПЧ: отдел партийного учета и отдел кадров. Оба эти отдела были связаны с органами государственной безопасности и передавали им необходимую информацию о людях. Некоторые работники партийного учета стали даже сотрудниками органов госбезопасности, оставаясь при этом в штате ЦК КПЧ.

Положение политических органов в механизме по производству процессов было особым. Они определяли, пусть и в общей форме, идейно-политическую направленность деятельности остальных его звеньев и занимали по отношению к ним руководящее положение. Однако остальные звенья были не только пассивными исполнителями. Они действовали активно и самостоятельно, особенно органы государственной безопасности, которые не только выполняли спущенные сверху директивы, но и развивали их, придумывали обоснования для решений политических органов и манипулировали политическими органами в своих целях. Контроля над органами государственной безопасности не было никакого.

В те годы в органы госбезопасности были приняты новые сотрудники. Главным критерием их отбора была "политическая сознательность и верность партии", что привело к массовому приему неквалифицированных людей. Это проявилось и при подготовке политических процессов. В большинстве своем новые сотрудники были молодыми людьми (20-28 лет), не накопившими жизненного опыта; их можно было легко "убедить"; это были фанатики, люди честолюбивые, которые к тому же переоценивали значимость своего положения. Ответственность за действия этих людей, в большинстве веривших, что они "выполняют священный партийный долг", несут те, кто занимался строительством этой самой сложной части аппарата государственной власти.

Последствия перестройки органов государственной безопас-

ности ощутили как жертвы процессов, так и те, кто эти процессы организовывал. Многие сотрудники органов государственной безопасности еще в 1963 г., при первом расследовании политических процессов, утверждали, что они не нарушали законов, и оправдывали свои действия тем, что выполняли партийные директивы.

На атмосферу в органах государственной безопасности повлияли советские эксперты, а также отношения, сложившиеся между их начальником и чехословацким министром государственной безопасности. Советские эксперты обладали огромными полномочиями. Их советы, распоряжения и решения носили характер приказа, и большинство сотрудников органов государственной безопасности выполняло их. Многие из них считали естественным и даже необходимым сообщать информацию советским экспертам и своим начальникам одновременно; в некоторых случаях советских экспертов информировали в первую очередь, а иногда информировали только их. Министр также считал предложения и рекомендации экспертов обязательными и следил за их выполнением. О ряде вопросов, касавшихся процессов, министр информировал Готвальда — почти всегда в присутствии главного советского эксперта. Но часто главный эксперт приходил к Готвальду сам, без министра, и сообщал ему свою точку зрения еще до того, как Готвальд получал информацию от своего сотрудника.

Говоря о жертвах политических процессов, следует отметить, что решающим моментом в судьбе человека был переход от политической критики его действий или взглядов к началу следствия. Власть работников государственной безопасности над заключенными была абсолютной не только во время следствия, но и в ходе судебного расследования, и при исполнении приговора. *

Третьим звеном механизма по производству процессов были органы юстиции. Важным фактором, создавшим возможность инсценировки политических процессов, были отношения между властью и правом — между партией и государством. Юриди-

* Вплоть до 1968 г. система тюрем и лагерей ЧССР находилась в компетенции Министерства внутренних дел, а не министерства юстиции. —

ческие нормы рассматривались как формальность, как необходимый атрибут, а не как закон, регулирующий общественные отношения. Это открыло дорогу произволу. Процессы являются не только нарушением права, но и внедрением бесправия. Они лишили законной защиты всех, в том числе стоявших на самых верхних ступенях иерархической лестницы. Партийное руководство присвоило функции государства в области принятия законов и обеспечения их соблюдения. Это проявилось не только в том, что все важнейшие государственные посты были заняты коммунистами, но прежде всего в том, что именно партийное руководство определяло, какие законы будут приняты и как они будут соблюдаться.

Говоря о роли органов юстиции в политических процессах, мы имеем в виду небольшую группу работников прокуратуры, суда и Министерства юстиции и в первую очередь министров. Решения о приговорах принимались не на суде, а в политических органах — в комиссии по безопасности ЦК КПЧ, пятерками по безопасности, политическим секретариатом. Органы юстиции стали проводником этих приказов и распоряжений, придавая им видимость законности. Этот антиконституционный порядок рассматривался как проведение в жизнь руководящей роли партии.

Введение практики закулисного правосудия сопровождалось рядом изменений в законодательстве и во всей системе органов юстиции. На первый план был выдвинут прокурор, судья стал его помощником; он лишь утверждал предложения прокурора.

Независимость суда была ликвидирована полностью. Дегра- дация права заключалась не только в том, что решения о приго- воре принимались вне судебных органов, но и в том, что весь ход судебного разбирательства был в руках работников органов государственной безопасности, а не прокурора и судей. Судеб- ный процесс стал театральным зрелищем, поставленным работ- никами госбезопасности. Все было предписано режиссером: за- ранее написанные вопросы судьи и прокурора; выученные на- изусть ответы подсудимых и отрепетированные показания сви- детелей. Все разыгрывалось по сценарию. Роль защитника своди- лась к согласию с обвинением.

Задачи органов юстиции при проведении процессов заключа- лись в завершении действий политических органов и органов государственной безопасности, в придании им видимости закон- ного судопроизводства. Задачей органов юстиции было также обеспечение гласности процесса, его политического влияния и воздействия на общественное мнение.

* * *

ПОСЛЕДСТВИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ

Политические процессы наложили отпечаток на все области общественной деятельности, оказав, наряду с другими фактора- ми, влияние на общественное сознание и на последующее разви- тие страны.

В них наиболее ярко проявилась деформация социализма, они ослабили социализм изнутри и подорвали его авторитет на меж- дународной арене. Эти судебные процессы отразились на поло- жении в экономической, политической и культурной областях, они повлияли на отношения между людьми и на международ- ное положение страны.

По замыслу политические процессы должны были способ- ствовать преодолению трудностей, возникших из-за невыполне- ния нереальных экономических задач, и доказать, что причина неудовлетворительного состояния народного хозяйства — в дея- тельности классовых врагов, которые саботируют ускоренную перестройку чехословацкой экономики и обеспечение ее неза- висимости от капиталистических государств. Сфабрикованные обвинения и вырванные признания в саботаже приобрели, одна- ко, такие размеры, что стали вызывать сомнения в концепции первой пятилетки вообще. Политические деятели (в особенно- сти А. Запотоцкий) высказывали серьезные опасения, что непре- рывные разоблачения шпионов могут перерасти в недоверие к экономической политике партии.

Обвинительный акт и судебное разбирательство дела так на-

зываемого Центра, как и процесс с экономистами, рассматривали вымышленные преступления против развития тяжелой промышленности. Тем самым процессы способствовали укреплению "стальной" и "железной" концепции развития чехословацкого народного хозяйства. Они стремились убедить в правильности развития металлургической промышленности, масштабы которой выходили за рамки возможностей чехословацкой экономики.

В результате политических процессов укоренился субъективизм в управлении хозяйством. В 1952 г. правительство, на основе всего лишь материалов следствия, обязало соответствующие министерства и центральные учреждения составить предложения по устранению последствий так называемого вредительства в экономической сфере. Официально утверждалось, что за каждым процентом невыполненного плана, за любым экономическим затруднением скрывается рука врага. В результате значительно расширился круг подозреваемых, а, следовательно, и потенциальных жертв репрессий. С другой стороны, такая позиция делала невозможным выявление подлинных причин недостатков. Ссылкой на вредителей пользовались столь широко, что в 1954 г. партийное руководство вынуждено было выступить с критикой этого явления, поскольку самообман не только не стал универсальным лекарством против болезней народного хозяйства, а, напротив, ухудшил его состояние.

Политические процессы усилили централизацию руководства экономикой. Специалисты, работавшие в народном хозяйстве, боялись самостоятельно принимать решения, опасаясь возможных судебных преследований. Таким образом резко возросли полномочия руководящего центра; централистской бюрократической модели управления дали "зеленый свет". В период политических процессов на руководящие посты в народном хозяйстве пришли новые люди, так как их предшественники либо стали жертвами политических репрессий, либо вынуждены были покинуть свои посты по обвинению в сотрудничестве с арестованными. Такие же кадровые перемены произошли и на более низких ступенях. Репрессированных заменили люди менее опытные и менее квалифицированные, что также отрицательно сказалось на общем уровне руководства экономикой.

Особенно сильно влияние политических процессов проявилось в политической сфере. Эти процессы не только убедительно свидетельствовали о деформации политической системы, но и стимулировали новые перегибы. С одной стороны, существовала причинная связь между этими процессами и политической системой, а с другой, процессы воздействовали на систему, укрепляя господствовавший тогда культ личности и полномочия небольшой группы руководящих партийных и государственных работников и нагнетая атмосферу страха, убивающую политическую активность граждан. Усиление репрессий укрепляло значимость, всемогущество органов государственной безопасности. Политические процессы как бы оправдывали необходимость этих органов и их методов работы.

Политические процессы скомпрометировали политическую деятельность, вызвали недоверие общества к политикам, которые деградировали до фабрикации таких процессов. Из-за возникшей в стране атмосферы страха политической деятельностью перестали заниматься не только отдельные лица, но и целые группы. В ходе подготовки политических процессов горстка руководящих политических деятелей манипулировала обществом. Органы государственной безопасности манипулировали заключенными, органами юстиции и политическими работниками; органами государственной безопасности, в свою очередь, манипулировало политическое руководство; оно же манипулировало органами юстиции и заключенными, а все вместе, то есть политическое руководство, органы государственной безопасности и органы юстиции, манипулировали населением. Чтобы убедить в справедливости обвинений на политических процессах, чтобы направить мышление населения в нужную сторону, чтобы заручиться его активной поддержкой, использовались все средства массового воздействия: периодическая печать, литература, радио, собрания, конференции, авторитет руководящих деятелей страны. Людей призывали доносить и разоблачать "врагов". Шпиономания стала эпидемией, ложь приобрела видимость правды. В этом коренится причина кризиса, который развился после разоблачения лжи.

Сильнее всего политические процессы ударили по коммунистической партии. Не только потому, что была выведена из строя

или физически уничтожена часть руководящего состава партии, замененная аппаратчиками — исполнителями приказов. Политические процессы парализовали внутрипартийную жизнь. Усилилась власть отдельных лиц и их неподконтрольность. Многие члены партии верили тогда в наличие разветвленной сети предателей в партии, но, с другой стороны, они понимали, что в предательстве могут обвинить любого из них.

Политические процессы повлияли на отношения между партией и населением. Партия присвоила себе ряд важнейших функций государства и общественных организаций, лишив государственные органы их значимости. На политические процессы правомочия законных и законодательных органов государства (правительства, парламента) вообще не распространялись; за этими процессами наблюдало высшее партийное руководство.

Массовые нарушения законов в период политических процессов убили доверие населения к праву. Закон уже не защищал граждан; упал престиж конституции. Нарушение законов со стороны партийных органов вызвало цепную реакцию. Жертвами этих нарушений стали не только "маленькие" люди, но и самые высокие чины. "Небольшие" дела перерастали в "большие процессы".

Огромный ущерб нанесли политические процессы культуре. Господствовавшая в период процессов атмосфера, несомненно, отразилась на художественном творчестве. Оценить эти последствия должны будут критики и историки. Общая обстановка, однако, оказала воздействие на многих деятелей культуры, как правило, особо чувствительных к проявлениям несправедливости. Многие художники и художественные коллективы были выброшены из искусства, а другие, прежде политически активные, стали ко всему равнодушными; некоторые же не выдерживали и кончали жизнь самоубийством (К. Биебел, Я. Фрейка, С. Махов и др.).

XX съезд КПСС ознаменовал перелом в подходе ко многим международным и внутривнутриполитическим проблемам, таким, например, как отношения с Югославией и с социал-демократами; подход к политическим, научным и культурным контактам с представителями капиталистических государств, к национальным особенностям других стран, к защите национальных инте-

ресов в отношениях с СССР и т.д. XX съезд не изменил, однако, оценку сионизма, и это оказало губительное влияние на пересмотр политических процессов, начавшийся после XX съезда. Отношение СССР к сионизму, вероятно, объясняется отношением арабских и социалистических государств к Израилю и традиционным антисемитизмом. (Так, выступая на торжественном обеде 1 мая 1956 г., Хрущев отметил, что в Польше евреи составляют три процента населения, а занимают 70 процентов мест в партийном и государственном аппарате — FO 2/2, Sv. 101, Aj. 118, b. 15).

Нетерпимую позицию занял XX съезд КПСС и по некоторым другим идеологическим вопросам. Так съезд подтвердил тезис о преимущественном росте средств производства, и это затруднило реабилитацию ряда чехословацких экономистов. XX съезд не проанализировал причины возникновения "культы личности" и проходил под лозунгом преодоления перегибов, а не изменения политической системы.

* * *

В централизованной бюрократической политической системе руководящая роль КПЧ понималась и реализовалась как средоточие политической, экономической и идеологической власти в узкой правящей группе. Такая концентрация власти в центре исключала какое-либо ее разделение, а тем самым и контроль над ней. Партийный орган взял на себя функции государства, нарушив тем самым суверенитет государственных органов в исполнении их обязанностей. Тенденция партии управлять государственными делами, выходя за рамки права, ведет к нарушению законности, что в конце концов завершается нарушениями прав и членов партии.

Небольшая правящая группа постепенно присваивала себе полномочия, не принадлежавшие ей по Уставу партии. Превращению всех остальных звеньев государственного и общественно-управления в "приводные ремни" способствовало и господствовавшее тогда понимание партийной дисциплины. От того, насколько безоговорочно выполнялись директивы правящей группы, зависело не только назначение на ответственную работу, но и членство в партии.

Сформировавшаяся в те годы политическая система и стили внутрипартийной жизни были нарушением принципа политической ответственности. Концентрация власти в руках правящей группы, назначавшей на все руководящие посты, привела к тому, что представители всех звеньев власти чувствовали себя ответственными только по отношению к правящей группе, а не к тем органам, в которых они работали, и не по отношению к гражданам, которые их избирали. В противоречии с конституцией правящая в партии группа принимала решения о политических процессах, а те, кто ее приказы выполнял, прямо или косвенно отвечали только перед ней, а ответственность можно было при необходимости свалить на кого угодно.

Политическая система и порожденный ею механизм по подготовке политических процессов представляли собой сложное партийно-государственное устройство, в котором отдельным органам и лицам предназначались различные, заранее заданные операции.

1. У этой системы есть творцы, инициаторы, главные идеологи, и они несут основную ответственность за политические процессы.

2. За эти процессы ответственны также те, кто активно разрабатывал и проводил в жизнь тогдашнюю линию партии.

3. Что касается основной массы причастных к политическим процессам исполнителей распоряжений и приказов, то их ответственность не одинакова; ее можно определить по следующим критериям: наиболее ответственны те, кто при реализации директив имел достаточно данных, чтобы на их основании осознать незаконность партийной линии; меньше вина тех, кто не был достаточно информирован и выполнял распоряжения сверху в полной уверенности в их правильности.

* * *

Анализ политических процессов и различных этапов их пересмотра исключительно поучителен для настоящего и будущего. В партии и в народе постоянно выдвигается требование гарантии, что ничего подобного более не повторится. В партийных и правительственных документах неоднократно заявлялось, что воз-

вращение к практике нарушения законов недопустимо, однако благие намерения не могут осуществиться на основании только доброй воли.

Партия считает разработку гарантий невозможности подобных политических процессов в будущем обязательной частью послеянварской политики, направленной, в частности, на преодоление деформаций партийной линии. Процесс разработки таких гарантий длителен; важную роль в нем должны сыграть анализ обстановки, в которой политические процессы стали возможными. Партия стремится к последовательному устранению всех деформаций прошлого, к обеспечению правовой уверенности граждан и восстановлению авторитета конституции и законов.

Составной частью системы гарантий против повторения политических процессов является ознакомление общества с причинами и последствиями политических процессов и с тем, как проводилась ревизия процессов. Однако, наиболее эффективные гарантии должна обеспечить политическая система.

В нашем обществе политическая система зиждется на руководящей роли коммунистической партии. Это и в дальнейшем будет исходным принципом в области политического управления государством. Наряду с этим партия и ее руководство должны провозгласить и последовательно осуществлять принцип недопустимости нарушения конституции и законов государства.

Сформулированный выше принцип расширяет права и обязанности каждого члена партии. Коммунист не только имеет право, но и обязан не выполнять те партийные решения, которые противоречат конституции и законам; коммунист обязан информировать о таких решениях вышестоящий партийный орган. Центральному Комитету следует соблюдать этот принцип уже сейчас и включить его в проект Устава, который будет представлен на утверждение предстоящему съезду КГЧ. Особенно важно обеспечить соблюдение этого принципа теми, кто осуществляет контроль за соблюдением законов, — от работников юстиции и органов госбезопасности; а также теми, кто не принимал соответствующих мер, узнав о нарушениях законов.

Важнейшим принципом политической системы государства является разделение власти и вытекающая из такого разделения автономия государственных органов при выполнении возложен-

ных на них конституцией функций. Центральный Комитет КПЧ должен признать недопустимым ограничение независимости правительства при выполнении его функций и передачу правительственных полномочий органам, которым они не поручены.

Принцип разделения власти следует распространить на законодательные органы. Депутаты-коммунисты не должны опасаться наказания по партийной линии за голосование против законопроектов, которые, по их мнению, противоречат конституции и правопорядку.

Анализ политических процессов подтверждает необходимость предоставления судебным органам полной независимости. Недопустимо ни вмешательство партийных органов в судопроизводство, ни передача дел, подлежащих решению суда, каким-либо другим, несудебным органам.

Партийные органы не должны судить о своих работниках на основе материалов органов государственной безопасности; работники органов безопасности — члены партии, со своей стороны, не должны собирать сведения о партийных работниках для использования этих сведений партийными органами. В прошлом такая практика была повседневной, и часто данные органов государственной безопасности о партработниках и членах партии включались в их личные дела; необходимо изъять материалы органов госбезопасности из личных дел, а партийные материалы из архивов органов госбезопасности вернуть партийным органам.

Наблюдение за руководящими работниками партии и государства и сбор материалов о них приводили к трагическим последствиям. Эту практику необходимо отменить и впредь не допускать, чтобы наблюдение за партийными и государственными руководителями проводилось без специального согласия на то генерального прокурора и его консультации с первым секретарем ЦК КПЧ (когда речь идет о членах ЦК и ЦКК), председателем правительства (когда речь идет о членах правительства) и председателем Национального собрания (когда речь идет о депутатах парламента). Ответственность за соблюдение этого принципа следует возложить на министра внутренних дел. Нарушение такого порядка должно считаться нарушением Устава партии и

приказа министра (комиссия рекомендует подготовить соответствующий закон).

В прошлом партия допускала в своей деятельности серьезные перегибы и ошибки в формировании кадровой структуры в высших партийных органах, и в результате власть сосредоточилась в руках небольшой группы партийных руководителей. Это положение необходимо изменить, чтобы при выборах в высшие партийные органы там не имели большинства представители партийного и государственного руководства и работники партийного аппарата.

Концентрация власти затрудняла объективный отбор политических работников и привела к тому, что кадровый состав руководящих органов оставался практически неизменным — изменения происходили лишь в случае смерти кого-либо из руководителей или их наказания и увольнения с занимаемой должности. Несменяемость руководящих работников была одной из существенных препон пересмотра политических процессов и реабилитации пострадавших. В устав партии необходимо включить принцип ротации работников всех ступеней партийных органов.

Опыт политических процессов доказывает необходимость контроля над важнейшими звеньями власти, в частности, над органами государственной безопасности и юстиции. Для обеспечения такого контроля общественные организации и партии, входящие в Национальный фронт, должны перестать быть лишь "приводными ремнями". Необходимо обеспечить независимость средств массовой информации, поскольку любое их ограничение, а тем более цензура, снижает их способность контролировать власть.

Контроль должна осуществлять и сама партия. Следует строго соблюдать правило Устава, что исключение из партии обсуждается в первичной организации и в присутствии исключаемого, а не по решению вышестоящих органов.

В период политических процессов идейное единство партии понималось как слепое подчинение, беспрекословное выполнение директив и решений руководства. Различия во взглядах считались несовместимыми с пребыванием в партии. Политические процессы способствовали сохранению такого положения, а это, в свою очередь, вело к новым процессам. Партия решительно

заявляет о недопустимости санкций органам государственной безопасности на слежку и судебных разбирательств лишь за взгляды, не совпадающие с официальными. Основанием для наказания должна быть только преступная деятельность. Нарушение этого принципа следует рассматривать как нарушение норм партийной жизни.

Сформировавшаяся в 50-е годы точка зрения на идейное единство партии вела к застою марксистского мышления и к практике выполнения рядовыми членами партии директив и решений руководства без какого-либо участия в принятии политических решений. Чтобы идейное единство не стало снова орудием манипулирования партийными органами и рядовыми членами, его следует добиваться в открытых дискуссиях.

Члены партии и партийные органы должны иметь право критиковать решения, которые им поручено выполнять, и выступать с критикой партийных органов. Партия не смеет допустить повторения той страшной ситуации, когда якобы во имя "идейного единства" утверждалась антипартийная и антисоциалистическая практика и проводились политические процессы. Под лозунгом "идейного единства" и в борьбе за достижение такого "единства" попирались ценности гуманизма и национальной истории, провозглашались антимарксистские и антисоциалистические взгляды, активизировался антисемитизм и обвинения в буржуазном национализме, допускалось бесчеловечное отношение к невинно обвиненным и выносились несправедливые приговоры.

Принимавшие хоть какое-то участие в политических процессах не должны допускаться на государственные должности и в органы государственной безопасности и юстиции. Поставить точку в расследовании и предотвратить политические процессы можно будет лишь тогда, когда начнет действовать механизм, препятствующий их повторению в будущем.

ПРИМЕЧАНИЯ

- Барак Рудольф — 1953-1961 гг. — министр внутренних дел Чехословакии, с февраля 1959 г. одновременно — заместитель председателя правительства. С 1954 года член ЦК и Политбюро ЦК КПЧ. В феврале 1962 г. был арестован, снят со всех занимаемых должностей, исключен из партии и приговорен к тюремному заключению. Освобожден в 1968 г.
- Бацилек Карол — в 1952-1953 гг. министр государственной безопасности. С сентября 1953 г. первый секретарь ЦК КП Словакии, с 1954 до апреля 1963 г. член Политбюро ЦК КПЧ. В апреле 1963 г. за "ошибки, допущенные в период культа личности", был смещен с постов члена политбюро ЦК КПЧ и первого секретаря ЦК КП Словакии.
- Белкин — генерал МГБ СССР, в 1949 г. служил в Будапеште.
- Берман Якуб — член политбюро ПОРП, ответственный за деятельность органов безопасности, вышел в отставку 4 мая 1956 г.
- Берут Болеслав (1892-1956) — в 1947 г. стал президентом ПНР. С 1948 по 1954 г. — председатель ПОРП; с 1954 г. до смерти — первый секретарь ЦК ПОРП. С 1952 по 1954 г. после отмены должности президента занимал пост председателя правительства.
- Бесчанов А. — с ноября 1951 г. главный советский советник в Чехословакии по вопросам государственной безопасности. По сообщениям западных агентств печати 20 января 1979 г. Бесчанов снова прибыл в Прагу "для консультации".

Библ Константин (1898-1951) – поэт, покончил жизнь самоубийством из-за преследований за отступления от канонов "социалистического реализма".

Боярский Владимир – советский советник в Праге по вопросам государственной безопасности. По сообщениям западных агентств печати, он снова прибыл в Прагу в 1970 г.

Веселый Индржих – с 1946 г. член ЦК КПЧ. В 1948 г. – начальник отдела государственной безопасности Министерства внутренних дел, в 1949 г. – начальник политического отдела МВД, в 50-е годы – директор Института истории КПЧ, затем посол ЧССР в Болгарии. Покончил жизнь самоубийством.

Галкин – советский советник по вопросам госбезопасности, который принимал участие в подготовке процесса с Р. Сланским.

Гайду Вавро – с 1950 г. заместитель министра иностранных дел Чехословакии. В 1951 году был арестован и осужден на пожизненное заключение. В 1956 г. был реабилитирован, после чего работал в Институте государства и права АН ЧССР.

Геминдер Бедржих – (1901-1952) – член КПЧ с 1921 г., многолетний сотрудник Коминтерна в Москве. В Прагу вернулся в 1946 г., был заведующим международным отделом ЦК КПЧ. В 1951 г. арестован и казнен вместе с Р. Сланским.

Голдман И. – чехословацкий экономист.

Гольдштюкер Эдуард – во время Второй мировой войны был сотрудником чехословацкого правительства в Лондоне. После войны был послом ЧСР в Израиле и Швеции. В 1951 г. был отозван в Прагу, арестован и в 1953 г. приговорен как "еврейский буржуазный националист" к пожизненному за-

ключению. Освободился в 1956 г., стал профессором Пражского университета. В 1967 г. был избран председателем Союза чехословацких писателей. С 1968 г. преподает в Англии.

Гомулка Владислав – с 1943 г. генеральный секретарь ЦК Польской рабочей партии. С 1945 г. – заместитель премьер-министра ПНР. В 1949 г. по обвинению в "правом уклоне" был лишен всех должностей. Реабилитирован в 1956 г. и в том же году избран первым секретарем Польской объединенной рабочей партии. В результате народного недовольства вынужден был подать в отставку в декабре 1970 г.

Готвальд Клемент (1896-1953) – глава КПЧ с 1929 г. В 1946-1948 гг. – председатель правительства ЧСР, в 1948-1953 гг. – президент ЧСР.

Громов Г. – советский советник, командированный в Прагу для подготовки процесса Р. Сланского.

Доубек В. – заведующий отделом министерства государственной безопасности ЧСР. В 1955 г. был арестован и в 1957 г. приговорен к девяти годам тюрьмы. В 1958 г. был освобожден и назначен директором Чедока (чехословацкого Интуриста).

Есиков – советский советник в Праге.

Замбровский Роман – член политбюро ПОРП, был вынужден уйти в отставку в 1963 г.

Запотоцкий Антонин (1884-1957) – в 1945-1950 гг. – председатель чехословацких профсоюзов, в 1948-1953 гг. – председатель правительства ЧСР, в 1953-1957 гг. – президент Чехословакии.

Кеперт А. – старший следователь госбезопасности ЧСР.

Клементис Владимир (1902-1952) – член КПЧ с 1924 г. Во время Вто-

рой мировой войны находился в эмиграции на Западе, был исключен из партии за осуждение советско-германского договора 1939 г. В 1945 г. был восстановлен в партии, с 1948 г. – министр иностранных дел ЧСР. Казнен в 1952 г. вместе со Сланским. Реабилитирован в 1963 г.

Кольдер Драгомир – с 1962 г. член политбюро КПЧ и секретарь ЦК КПЧ. С 1969 г. председатель Комиссии народного контроля.

Копршива Ладислав – в 1945-1952 гг. член политбюро КПЧ, с мая 1950 г. по январь 1952 г. – министр государственной безопасности. В апреле 1963 г. был исключен из партии за нарушения законности в период культа личности.

Костов Трайчо – один из руководителей болгарской компартии. Казнен в 1949 г. после инсценированного политического процесса. Посмертно реабилитирован.

Кочи Дзодзе – один из руководителей Албанской партии труда. Казнен в августе 1949 г.

Коштыл Карел – следователь чехословацкой госбезопасности, позже заместитель министра внутренних дел. Член комиссии по реабилитации политических заключенных, всячески препятствовавший этому процессу.

Лебл Эвжен – член КПЧ с 1934 г. С 1945 г. – сотрудник министерства внешней торговли. Был арестован в ноябре 1949 г., в 1952 г. приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в 1960 г., реабилитирован в 1963 г. До 1968 г. – директор государственного банка в Братиславе. После оккупации Чехословакии в 1968 г. эмигрировал в Соединенные Штаты.

Лихачев – советский советник в Праге, генерал госбезопасности СССР. В декабре 1954 г. в "Правде" было напечатано сообщение о его казни.

Лондон Артур – в 1949-1951 г. заместитель министра иностранных дел ЧСР. Был арестован в январе 1951 г., в ноябре 1952 г. приговорен к пожизненному заключению. Освобожден в 1956 г. С 1963 г. живет во Франции.

Макаров – советский советник, прибывший в Прагу вместе с Лихачевым в 1949 г.

Марголиус Рудольф – с 1949 г. заместитель министра внешней торговли ЧСР. Казнен вместе со Сланским.

Махов Саша – хореограф балета Национального театра в Праге. Покончил жизнь самоубийством.

Морозов Г. – советский советник, командированный в Прагу с заданием "создать" дело Сланского и подготовить судебный процесс.

Новотный Антонин – с 1945 г. – первый секретарь пражского обкома КПЧ, с 1951 г. – секретарь ЦК КПЧ, с 1953 г. – первый секретарь ЦК КПЧ, с 1957 г. президент Чехословакии. В январе 1968 г. ушел с поста первого секретаря ЦК КПЧ; 22 марта 1968 г. ушел в отставку с поста президента и члена политбюро ЦК КПЧ.

Патраскану Лууретиу – один из руководителей компартии Румынии.

Радкевич Станислав – министр государственной безопасности ПНР. В 1956 г. под давлением общественного мнения вынужден был уйти в отставку.

Райк Ласло (1909-1949) – один из руководителей компартии Венгрии, был осужден и казнен; посмертно реабилитирован в 1956 г.

Ракоши Матиас – один из лидеров компартии Венгрии. Во время революции 1956 г. бежал в СССР. В 1962 г. был исключен из партии как главный виновник нарушений закона в период Культа личности.

Рейцин Бедржих – журналист, член компартии Чехословакии с

- 1949 г. С 1940 г. находился в СССР, где работал на радио. С 1942 г. служил в чехословацких воинских частях, сформированных в СССР. После войны – заместитель министра обороны ЧСР, глава военной разведки. Был осужден и казнен вместе со Сланским.
- Рожанский Юзеф – полковник польской госбезопасности.
- Святло Юзеф – подполковник польской госбезопасности, оставшийся на Западе в 1953 г.
- Свобода Людвик – Командующий чехословацким военным корпусом в СССР во время второй мировой войны. В 1945–1950 гг. – министр обороны ЧСР; в 1953–1955 гг. – бухгалтер сельскохозяйственного кооператива; в 1955–1958 гг. – начальник военной академии в Праге; с 1959 г. на пенсии. В марте 1968 г. был избран президентом ЧССР.
- Симон Андре (1895–1952) – после второй мировой войны был международным обозревателем газеты "Руде право". Казнен вместе со Сланским, реабилитирован в 1963 г.
- Сланский Ричард – брат Рудольфа Сланского, дипломат.
- Сланский Рудольф – с 1929 г. член ЦК КПЧ и член политбюро. Во время второй мировой войны находился в Москве. В 1945–1951 гг. – генеральный секретарь ЦК КПЧ. Был арестован в 1951 г. и казнен в 1952 г. В 1963 г. реабилитирован как жертва судебной ошибки, но не был реабилитирован по партийной линии.
- Таусигова Ярмила – с 1945 г. член Комиссии партийного контроля и ЦК КПЧ. Была арестована в 1951 г.
- Фишл Ото – сотрудник аппарата ЦК КПЧ. В 1949–1951 гг. – посол Чехословакии в ГДР. Казнен вместе со Сланским.

- Франк Иосеф – с 1946 г. член ЦК КПЧ и политбюро ЦК КПЧ; с мая 1949 г. один из заместителей Сланского. Казнен вместе со Сланским.
- Фрейка Людвик – с 1945 г. председатель экономической комиссии при ЦК КПЧ. С 1947 г. работал в канцелярии президента и был одним из авторов первого пятилетнего плана. Казнен вместе со Сланским.
- Шваб Карел – с 1945 г. заведующий отделом госбезопасности ЦК КПЧ, затем начальник органов госбезопасности и заместитель министра внутренних дел. Казнен вместе со Сланским. Брат М. Швермовой.
- Швермова Мария – жена национального героя Чехословакии Яна Швермы, погибшего во время национального восстания в Словакии. С 1946 г. член политбюро ЦК КПЧ. Арестована в 1951 г., в 1954 г. – приговорена к многолетнему заключению. Освобождена в 1956 г. Реабилитирована в 1963 г.
- Шлинг Ото – В 1945–1950 гг. – первый секретарь обкома КПЧ в г. Брно. Был арестован и казнен вместе со Сланским. Реабилитирован в 1963 г.
- Широкий Вилиам – В 1945–1953 гг. – заместитель председателя правительства. В 1945–1954 гг. – председатель КП Словакии. В 1950–1953 гг. министр иностранных дел. В 1953–1963 гг. – председатель правительства Чехословакии. В 1968 г. (в мае) было приостановлено его членство в КПЧ.
- Чепичка Алексей – с 1947 г. министр внутренней торговли и министр юстиции; в 1950–1956 гг. – министр обороны, заместитель председателя правительства; с 1951 г. член политбюро ЦК КПЧ. Зять К. Готвальда. В 1956 г. вынужден был уйти в отставку. В 1963 г. исключен из КПЧ за нарушение закона в период культа личности.